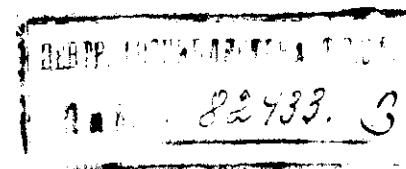


Ба 156783



✓

ЗАПАДНАЯ БЕЛОРУССИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

КНИГА I-ая

БЕЛАРУССКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
М И Н С К — 1927

А. Смолич

Население Западной Белоруссии, его национальный и профессиональный состав.

Количество и плотность населения.—Движение населения.—Физическая характеристика.—Национальный состав.—Профессиональный и классовый состав.

Вопрос о населении Западной Белоруссии и его особенностях представляет большой интерес благодаря целому ряду причин. Рассматриваемый край, до войны являвшийся наиболее культурной и экономически развитой частью белорусской территории, за время войны потерял около 35 проц. своего населения, т. е. более чем какой-либо другой охваченный империалистической войной район. Превышающе сложный национальный и социальный состав населения является в связи с географическим положением края основной причиной неравненности его политических судов и той крупной роли, которую ему приходится играть в международных отношениях. На конец, довольно необычно: Историческое прошлое края, стоящие колонизационные процессы, имевшие в нем место в прошлом, до сих пор служат причинами грубых ошибок в науке и политике и требуют скорейшего освещения.

Количество и плотность населения. Наиболее достоверные сведения о количестве населения на территории Зап. Белоруссии за военный период дает нам перепись 1897 г. Не имея возможности подсчитать данные этой переписи собственно на настоящим границам Зап. Белоруссии, мы приведены ограничивающиеся приблизительно поуездными цифрами для 20 военных уездов, большей частью своей территории входивших в состав Западной Белоруссии (см. таблицу 1). Территория этих уездов немногим больше подсчитанной в предыдущей статье территории современных уездов и равняется 108,546 кв. км. (дм. 106,197). В 1927 году население здесь насчитывало 3,981 тыс. чл., или 36,5 чл. на кв. км. В 1911 году население это увеличилось до 4,970 тыс.¹⁾, а привиняв во внимание средний годовой прирост (17,8 промилей) надо полагать, что к началу войны, т. е. в 1914 году население достигло 5,200 тыс., что дает плотность из 1 кв. км. 48,5 чл.

Война, оторвавшая от семьи почти всех взрослых мужчин, прежде всего ликвидировала естественный прирост, который за 7 лет увеличил бы население на 13 проц. или на 650 тыс. Эта участь, однако, постигла и все другие охваченные войной страны. Западной же Белоруссии пришлось испытать бедствие, не имеющее себе равных в других районах. Так как в пределах края находились три важнейших русских крепости (Брест-Литовск, Гродно и Осажд), то во времена немецкого вторжения 1915 года зарекомендовавшие распорядились выселять все население из окрестностей этих крепостей в глубь империи; когда же стало ясно, что крепости не удержатся, то отступающим армиям было приказано опустошить их.

Таблица 1.

Население военных уездов Зап. Белоруссии за 1897—1911 г.

	Площадь в кв. км.	Всего населения (тыс.)		Средний годовой прирост за 1897—1911 г.	Плотность нас. на км. ²	
		1897 г.	1911 г.		1897—1911 г.	1911 г.
Виленская губерния						
Виленский	6,185	208	262	18	41	35
Вилейский	6,363	355	448	17	72	55
Диненский	5,779	205	249	15	43	33
Лидский	5,605	206	257	18	45	33
Ошмянский	6,885	233	285	16	41	28
Свенчанский	5,228	172	211	16	40	29
Гродненская губерния						
Белостокский	2,904	207	251	15	86	64
Бельский	3,562	164	206	18	58	38
Брест-Литовский	4,881	218	262	14	54	47
Волковысский	3,813	149	192	21	50	30
Гродненский	1,264	203	241	15	57	21
Кобринский	5,257	184	228	17	43	16
Пружанский	4,161	139	173	17	41	18
Слонимский	7,126	226	289	20	40	35
Сокольский	2,607	111	130	12	50	35
Другие губернии						
Новогрудский	5,164	247	318	20	62	39
Пинский	11,867	231	314	26	26	19
Части Мозырского, Слуцкого,						
Минского	9,440	(238)	317	26	31	—
Августовский	3,024	79	95	25	47	30
Ново-Александровский	5,427	208	230	10	44	32
Итого по 20 уездам	108,546	3,981	4,970	18	46	—

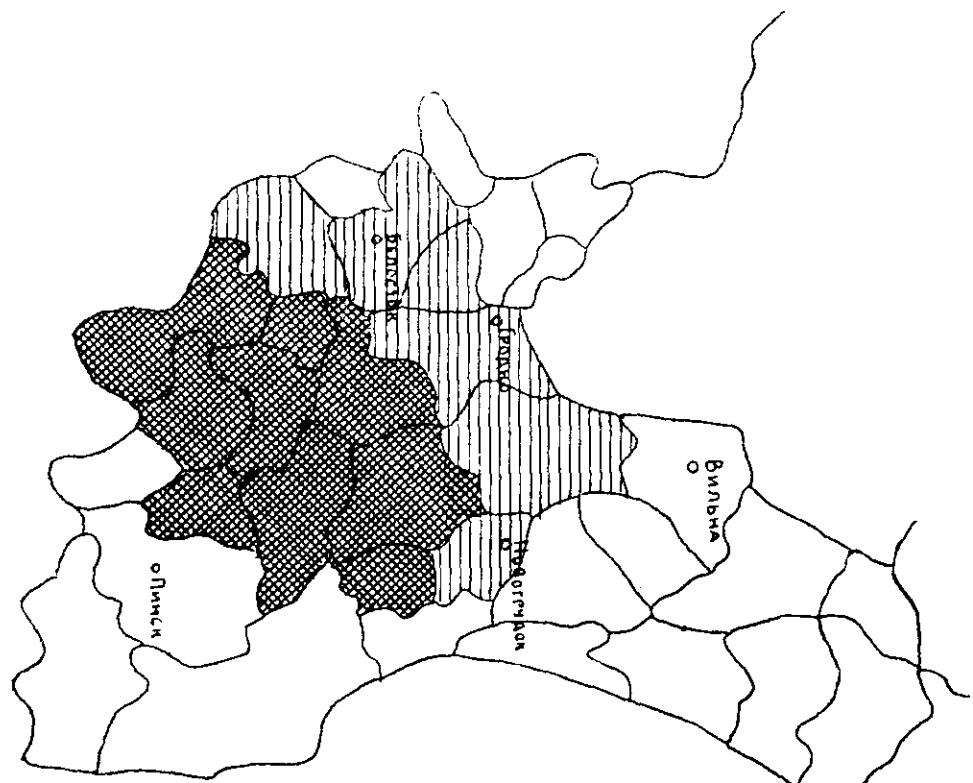
¹⁾ По данным Ежегодника России за 1911 г.

тиль, страну за собою. В результате принудительным путем было выселено крестьянское население из всей почти Гродненской губ. и захвачено в Протекторатную Россию, а тридцать деревень сожжены со всем оставшимися инвентарем и запасами. Таким образом, около полутора-другого миллиона населения западной Белоруссии были оторваны от своей земли и привлечены к деятельности либо привлечены вместе с детьми и пебогатым движимым имуществом, либо ушли с собой захватить, в дальнейшем захватывать края, где им обещали быть приютом и оплотом национального правительства. Так сюда, тысяч километров, изгнаны белорусы, через Центральную и Восточную Белоруссию, дешевле на восток, теряя по дороге имущество, покинут от эпидемии и лихорадки. Их не было знать, их освободили французы в Белоруссии, оставивши массы изгнанников, дальше в Центральную Россию, в Симбирь, в Среднюю Азию.

Последствиями от ЭХ до 7 лет и побегов эмигрировавшей части своего состава, особенно же, легкой, белорусской массы после германской революции и отступления немцев хладнокровно начал на родину. Однако, тяжелые гражданские условия того времени, а также захват германскими войсками, позволили подданным Польши восстать освободиться от германской массы, только после заключения мира в Тройнице, в 1920—1922 году смогли вернуться в ЭХ. Белоруссия основана Максимом Берендеем. Национальный членница, памятник польского статистического скелетика, даже написал об истории обратного движения беженцев в Президенте польского государства. Вернувшись беженцев в таблицах*);

Таблица 2.

	Годы					Итого за		
	1918	1919	1920	1921	1922			
Поляки	—	—	22	193	50	112	67	444
Русские (?)	—	—	55	50	3	8	3	119
Украинцы	—	—	6	38	15	45	23	122
Белоруссы	—	—	—	6	15	340	159	481
Евреи	—	—	—	2	2	14	15	32
Прочие	—	—	—	—	—	10	10	10
Итого	83	284	85	479	277	1207		



* Annuaire statistique de la Rep. Polonaise. 1923.

Цифры этой таблицы, конечно, неточны и не охватывают всей возвращающейся массы беженцев уже потому, что она продигалась главным образом вслед за наступавшей Красной армией в 1919 и 1920 годах. Особенно же искажены цифры национальной статистики. В 1918 и 1919 годах белоруссов-беженцев, повидимому, польская статистика записывала, как «русских», что и отразилось на соответствующих цифрах (полное отсутствие белоруссов в 1918 году при 55 тыс. «русских»). В дальнейшем же по своему обыкновению польская статистика всех католиков-белоруссов записывала поляками. Это было, конечно, нетрудно сделать и, возможно, не вызывало протестов. Известно, напр., что белорусские беженцы помещались в Барановичах в наполненные больными тифом бараки, где должны были отбывать карантин. В этих ужасных условиях также без протеста погибли десятки тысяч умерших во время скиданий белорусских беженцев.

Во всяком случае в приведенной таблице значительную часть поляков следует отнести в белорусскую графу. Добавляя еще большую часть «русских» и половину евреев и «прочих» *), мы можем считать, что всего учтено польской статистикой около 500—850 тыс. беженцев, возвращавшихся в Зап. Белоруссию. Так как значительная их часть вернулась после переписи 1921 года **), то к цифрам последней по Зап. Белоруссии необходимо прибавить, вероятно, около 300 т. чел., а также естественный прирост, чтобы получить приблизительную цифру населения Зап. Белоруссии к началу 1923 г.

Какое значение имело возвращение беженцев на родину, может иллюстрировать след. таблица, показывающая процентное отношение ко всему населению уездов количества беженцев, вернувшихся на родину с июня 1921 года до конца 1922 года. Располагая уезды в порядке убывания, получим такой ряд:

Таблица 3.

Пружаны . . .	14,1 проц.	Волковыск . . .	34,7 проц.
Косов . . .	38,8 "	Кобрин . . .	33,3 "
Брест . . .	35,9 "	Дрогичин . . .	31,5 "
Слоним . . .	34,9 "	Барановичи . . .	30,6 "

*) Основную массу беженцев дала Зап. Белоруссия и соседние с ней части Польши и Украины. Так, из общего количества вернувшихся в Польшу с 1 июня 1921 г. до конца 1922 года—684,2 тыс. беженцев, в уездах Зап. Белоруссии вернулось 442,2 тыс. или 64,6%.

**) За вторую половину 1921 г. вернулось в Зап. Белоруссию 263,2 тыс. беженцев. Так как перепись была произведена 30 сентября 1921 г., то для приблизительного выяснения численности неучтенных переписью беженцев, мы возьмем половину указанной цифры 1921 г.; вместе с цифрой 1922 г. это дает 311 тыс. чел.

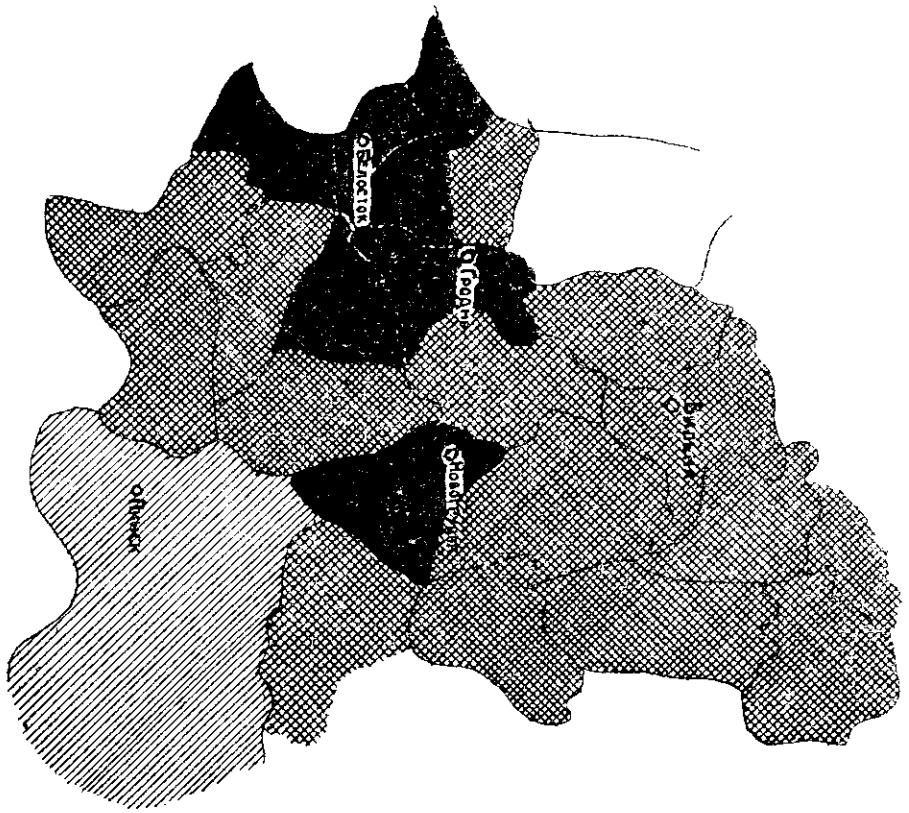
Бельск . . .	24,3 проц.	Новогрудок . . .	10,8 проц.
Гродно . . .	18,7 "	Соколка . . .	10,1 "
Белосток . . .	13,2 "	Пинск . . .	8,6 "
Лида . . .	12,6 "	Остальные уезды—	
		меньше . . .	5,0 "

Из приведенных цифр ясно видно, что главным очагом беженства был юго-восток быв. Гродненской губ., в частности Пружанский уезд. В уездах Виленской губ., повидимому, беженство имело значительно меньшее распространение. Во всей Польше только в 5 небелорусских уездах количество беженцев превышало 10 проц. и только в одном из них достигало 15 проц. (Холмский у.).

Чтобы составить себе представление о размерах людских потерь за войну, обратимся к фотометрию *плотности населения* по уездам до и после войны и процента ее убыли (таб. 4). Из военных годов мы берем 1911, за который располагаем данными Ц. Стат. Комитета, основанными, как известно, на исчислении; для послевоенного периода принимаем цифры переписи 1919 г., спущенные в границах старых уездов и только для 3-х западных уездов Гродненской губ. (Белостокский, Бельский и Сокольский) и для Августовского у., не охваченных переписью 1919 г.—принимаем цифры 1921 года.

По всем уездам Западной Белоруссии война произвела страшные опустошения. Впереди прочих районов в этом отношении стоит район крепости Бреста, где убыль населения достигает 69 проц. в Брестском у., 61 проц.—в Пружанском у., 55 проц.—в Слонимском, 51 проц.—в Кобринском у. и 50 проц.—в Волковыском у. Окрестности Гродно и Освиця опустошены менее, вероятно, за недостатком времени ввиду наступления немцев, но все же и здесь потери населения достигают 47 проц. в Гродненском у., 37 проц.—в Августовском у. Остальные уезды Западной Белоруссии потеряли 25—35 проц. населения и только уезды, лежавшие к востоку от русско-германского фронта, как Виленский, имеют меньшие потери населения.

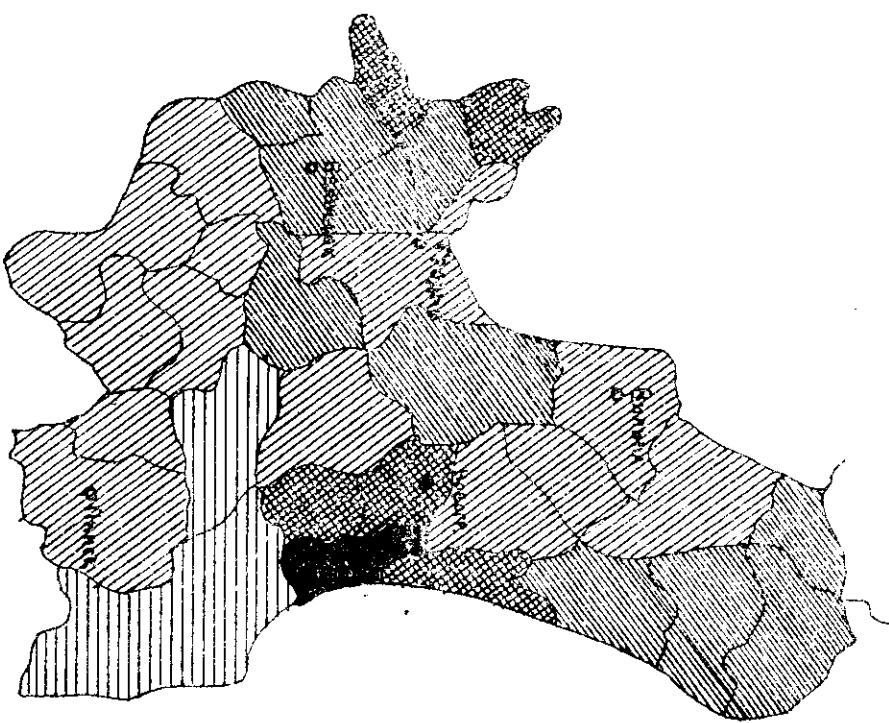
Вышеприведенные цифры, как видно, относятся к 1919 г. После того произошли значительные изменения количества населения Зап. Белоруссии ввиду массового возвращения беженцев, особенно в годы 1919—1922. К сожалению, мы лишены возможности дать аналогичные данные для настоящего времени в поуездном масштабе ввиду того, что: 1) значительно изменилось административное деление сравнительно с дооценным и мы не можем на основании литературных материалов привести соответствующих перечислений и



ПЛОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

на КВ. КЛМ. в 1911 году.

Свыше 50 чел.		40-50 ч.		20-30 ч.	
---------------	---	----------	---	----------	--



Плотность населения

В 1921 году на КВ.КЛМ.

MEHEE 204

Свыше 50 ч.  40-50  30-40

Таблица 4.

	Плотность населения на 1 км ²		Уменьшение с 1911 г. в %
	1911 г.	1919 г.	
Виленская губ.			
Вилейский	41	35	15
Виленский	72	55	24
Дисенский	43	33	23
Лидский	45	33	27
Ошмянский	41	28	32
Свиринский	40	29	27
Гродненская губ.			
Белостокский	86	64 *)	26
Бельский	58	38 *)	34
Брест-Литовский	54	17	69
Волковыский	50	25	50
Гродненский	57	30	47
Кобринский	43	21	51
Врублевский	41	16	61
Слонимский	40	18	55
Сокольский	50	35	30
Минская губ.			
Новогрудский	62	39	37
Пинский	26	19	27
Августовский у. Сувалкской губ.	47	30 *)	36
Ново-Александровский у. Коенской губ.	44	32	27

*) Данные переписи 1921 года.

2) в виду отсутствия у нас материалов о суммарном коэффициенте населения вместе с возвращавшимися беженцами для настоящего момента. Поэтому мы ограничимся только общими вычислениями.

В 1911 году плотность населения по всей Зап. Белоруссии в целом составляла 46 чел. на кв. км., в 1914 г. (прибавляя средний прирост) — 48,5 чел. В 1921 г. плотность населения была только 31 чел., а если прибавить предполагаемую цифру неучтенных переписью возвращавшихся беженцев, то плотность повысится до 33 чел. на кв. км. Таким образом общая потеря населения в крае выражается приблизительно в одну треть его количества в 1914 году или в 1,75 млн. чел. Значительно меньше населения потеряла убитыми за войну в 10 раз большая по своим размерам Англия, немногим меньше (1,44 млн.), Франция, немногим больше вся Германия (1,83 млн.). Если же к этой реальной потере населения прибавить потерянный за годы войны прирост населения, то общая потеря населения достигает 45 проц. или 2,350 тыс. чел. И в этом отношении небольшой район Западной Белоруссии далеко опередил все задетые войной страны. Так, вся Антанта (включая сюда и Россию и Белоруссию) имеет недобор населения только 16 проц., отдельные же страны Зап. Европы, как Англия, Бельгия, Франция — только 6-7 проц.

Приведенных данных достаточно для суждения о влиянии войны на населенность Зап. Белоруссии. К ним можно прибавить еще для иллюстрации цифры спрятавшихся в общем около 8 тысяч жителей (по 3-м источникам, кроме Белостокского — 166,8 тыс. чел.) в цифры разрушенных зданий. Таковых по данным нашей статистики было:

в Белостокском воеводстве	207,2 тыс.
„ Виленском	80,8 „
„ Новогрудском	145,9 „
„ Полесском	194,6 „

а всего по Зап. Белоруссии (исключая ½ Белостокского воеводства) до 525 тыс. разрушенных строений. В 7 юго-восточных уездах Брестского округа в 1915 году отступающими русскими войсками сожжено 1006 деревень, 154 усадьбы, 38 фабричных предприятий и сам город Брест. В Новогрудском уезде сожжено 22,8 проц. поселений *).

*) Wl. Studnicki. Statystyczno-ekonomiczny zarys ziem północno-wschodnich w 1922.

Благодаря военным опустошениям резко изменилось и относительное распределение населения по поверхности. До войны, как это видно из таблицы 4, плотность населения, если исключить большие города, была в Зап. Белоруссии довольно равномерной и, сравнивая с другими частями Белоруссии,—высокой—от 40 до 50 чел. на кв. км. Только в юго-восточном углу в этом отношении наблюдалась некоторая контрастность; на Новогрудской возвышенности плотность населения доходила до 62 чел. на кв. км., и рядом в Полесской котловине плотность населения была втрое меньше (16—26 чел.). Несколько повышенная густота населения (свыше 50 чел.) наблюдалась в уездах, соседних с Белостокским. В то время, как высокая плотность населения Новогрудской возвышенности должна быть обясняема выдающимся плодородием почв этого района, в районе Белостока, кроме почвенных условий, также довольно благоприятных, играет роль значительное развитие городских поселений, промышленности и путей сообщения, создающее необходимые для интенсивного сельского хозяйства рыночные условия. Таким образом можно сказать, что вообще левобережье Немана и бассейн Зап. Буга заселены достаточно густо. Южные уезды быв. Гродненской губ. (Пружанский, Кооринский) заселены уже реже, а дальше на юго-восток лежит редко-заселенное Полесье. По правому берегу Немана густота населения средняя—40-45 чел. Имеющиеся здесь разнообразие густоты населения на отдельных почвенных разностях нельзя выявить ввиду грубости поуездных данных.

Приблизительно те же взаимоотношения можно наблюдать и в распределении плотности населения по данным 1921 года. Повсюду абсолютное количество населения упало. Однако наименьшее падение, как уже говорилось, наблюдается к востоку от линии русско-германского фронта 1915—1918 годов. Местами здесь убыли населения почти незаметно (Несвижский у. 56 чел. на кв. км.), а вообще здесь по всей линии быв. фронта, следовательно, вдоль всей советско-польской границы несколько повышенная густота населения сравнительно с соседними с запада уездами. Невысокую густоту населения мы находим также в районе Бресток—Гродно—Лида, что соответствует довоенным отношениям. Минимальные цифры плотности находим, также как и до войны, в Полесье, несколько выше эти цифры в южных частях быв. Гродненской губ. (Брестский район)—наиболее опустошенных войной и беженством. Невысокая плотность населения в уездах, окружающих Вильну (26-28 чел.); хотя цифры эти

относятся к 1919 году (в 1921 году в этих уездах перенесено было), несомненно, однако, что тут имеется некоторое разрежение населения, обяснить которое с полной уверенностью можно было бы только имея более подробную карту плотности населения.

Во время изобилий перенесено в 1897 году на территории Зап. Белоруссии насчитано 3,981 тыс. населения или 36,7 чел. на кв. км. В насторящее время плотность населения составляет только около 35 чел. на кв. км., следовательно, отбросив естественный прирост, столико-же, сколько было в 1895 году. Но населенности войны отбросила Зап. Белоруссию на 25-27 лет назад. Рассматривая карту плотности населения 1897 года сравнительно с 1921 годом можно заключить, что левобережье Немана почти однотипно заселено и в одном и в другом случае, также как и вдоль советско-польской границы. Резко уменьшилось количество населения в 1921 году сравнительно с 1897 годом в районе Вильны и особенно в районе Бреста.

Движение населения. Размеры естественного прироста населения в той или другой стране зависят от стечения благоприятности ее естественно-исторических, хозяйственных, социально-политических и др. условий для существования массы людского населения. Яркие примеры этого мы видим в истории самой Белоруссии: так, в последний период существования крепостного права и соизвратившей ему чрезмерной эксплуатации крестьянства помещиками—прирост был либо крайне низок, либо имела место убыль населения; но тотчас же после уничтожения крепостных отношений естественный прирост достиг значительных размеров (свыше 2 проц. в год). В дальнейшем прирост опять снижается в зону реакции и малоземелья, чтобы особенно высоко подняться после победы proletарской революции—в Советской Белоруссии (до 2,6% в год).

Белоруссия в целом имеет один из наиболее высоких естественных приростов населения в Европе; Западная Белоруссия, однако, в этом отношении несколько отстает и отстает от восточной, хотя и здесь все же прирост населения очень значителен. Исаак Догмар-Занозинский*) приводит относительно роста общего количества населения от 60-х годов прошлого века до войны след. данные:

*) Народное хозяйство Белоруссии 1926.

Количество населения в губерниях в 1863 г. (принято за 100).

Таблица 5.

ГОДЫ	Вилен- ская гу- берния	Гроднен- ская гу- берния	По бе- лорусс. губ.
1863 .	100	100	100
1873 .	120	130	114
1883 .	140	140	136
1893 .	161	162	162
1897 .	178	179	178
1912 .	225	226	240
1914 .	231	232	248

Как видно после 90-х годов в отношении роста населения Западная Белоруссия уже отстает от Восточной Белоруссии. Если рассматривать размеры годичного прироста, то можно заметить, что отставание это началось еще раньше. После громадного подъема в 60-х годах, когда он достигал 2,1 проц., естественный прирост с 70-х годов в Зап. Белоруссии постепенно снижается к 90-м годам до 1,45 проц., а в 900-х даже до 1,25 проц. Впрочем, по отдельным годам цифры эти давали значительные отклонения, которые, вероятно, стоят в связи с движением урожаев, хлебных цен и других факторов, влияющих на благосостояние населения.

Падение естественного прироста в Зап. Белоруссии выразилось довольно значительным падением рождаемости—с 4,73 проц. в 60-х годах до 4,01 проц. в 90-х годах при одновременном гораздо более стабильном снижении смертности—с 2,63 до 2,56. В девяностых годах процесс этот продолжается, но смертность уже падает значительно. Так для двух губерний Зап. Белоруссии в 1911—13 годах мы имеем такие цифры:

Таблица 6.

	Рож- даемость	Смерт- ность	Ест. прирост
(в процентах)			
Виленская .	3,2	1,9	1,3
Гродненская .	3,2	1,7	1,5
Вся Белоруссия .	3,8	2,0	1,8
Европ. Россия .	4,1	2,7	1,7
Германия (1913) .	2,83	1,58	1,25

Рядом со значительным падением рождаемости, уменьшающейся вообще по мере продвижения на запад в связи с ростом товарного хозяйства,—сильно падает и смертность, что уже с несомненностью указывает на повышенный культурный уровень масс. Естественно, что смертность особенно резко начала падать в девяностых годах в связи с ростом грамотности, развитием лечебной помощи и материальной культуры вообще. Прежде всего эти условия должны были уменьшить смертность грудных детей, достигавшей прежде громадных размеров.

Кроме естественного движения населения в Зап. Белоруссии до войны имело место и механическое притяжение—эмиграция за океан, в Америку, а также в Сибирь, в стоминые фабричные центры России и, с другой стороны, иммиграция главным образом разного служилого элемента, обясняемая так же приграничным положением края, требовавшим содержания значительного количества войск, так и в особенности—русификационной политикой изъятого правительства, стремившейся весь аппарат государственных и общественных учреждений заполнить русским чиновничеством. Благодаря этим причинам, а также ввиду неточности текущей статистики общий фактический прирост несколько разился от естественного; иначе эти были новеллы. Так для периода 1897—1911 г. средний годовой прирост равнялся по Виленской губ. 1,7 проц., по Гродненской 1,6 проц. По уездам Зап. Белоруссии цифры среднего прироста за названный период представлялись в таком виде:

Таблица 7.

Средний годовой прирост населения (1897—1911)
на 1000 жителей.

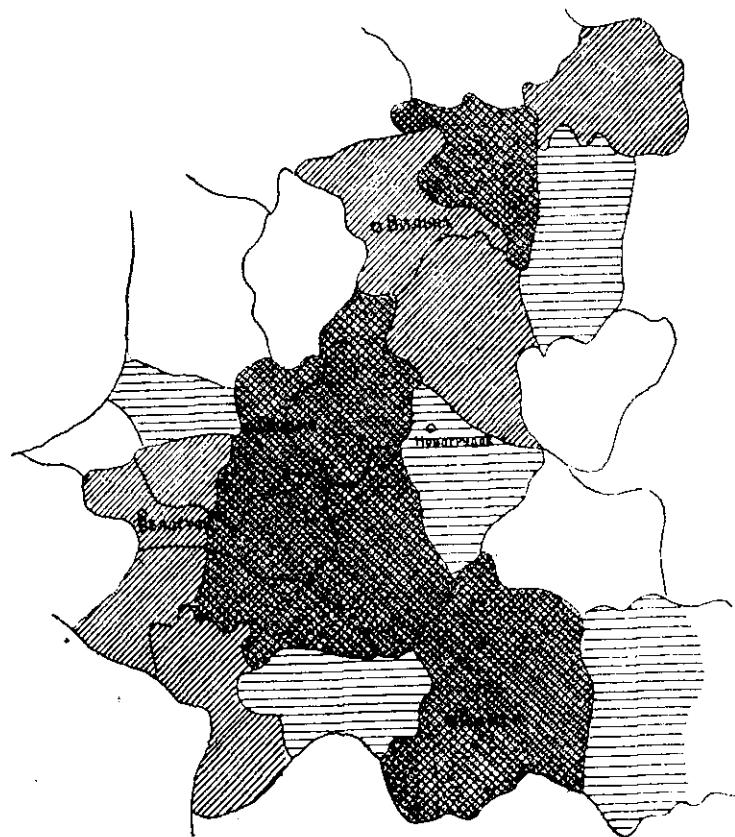
Мозырский уезд .	39 чел.	Кобрицкий уезд .	17 чел.
Пинский .	26 .	Виленский .	17 .
Августовский .	25 .	Ошмянский .	16 .
Волковысский .	21 .	Свенчанский .	16 .
Столинский .	20 .	Лисенский .	15 .
Новогрудский .	20 .	Гродненский .	15 .
Лидский .	18 .	Белостокский .	15 .
Виленский .	18 .	Брестский .	14 .
Бельский .	18 .	Сокольский .	12 .
Пружанский .	17 .		

Полесские уезды, располагающие большим земельным простором, дают наибольший прирост населения. Земельный

проктор здесь, также как в 60-х годах и в отдельных районах Белоруссии, позволяет расширять натуральный потребительское престижное хозяйство, а для такого расширения необходимым условием является сильная семья, но возможности значительный запас труда. Другие условия должны быть в государственном и индустриальном районе Белостока, где земельная теснота давно уже дает себя знать, принуждая отказываться от экстенсивного хозяйства и сильнее связываться с рынком.

В таком положении было движение населения в депрессивную эпоху. В настоящее время положение это должно было резко измениться, как мы видим на примере других стран и прежде всего Советской Белоруссии. Статистическими данными, характеризующими это явление в последний период в Западной Белоруссии, мы, к сожалению, не располагаем, так как в дошедших до нас материалах польской статистики имеются соответствующие данные только для быв. Пруссии Польши и для некоторых крупнейших городов, в числе которых нет даже Вильны.

Физическая характеристика населения Западной Белоруссии в самых общих чертах выяснена в военных работах русских и польских антропологов (Талько-Гринцевич, Анучин, Л. Кржевицкий). На основе их мы можем констатировать, что в отношении антропологическом население Западной Белоруссии не отличается от населения Центральной и Восточной Белоруссии, так как смена антропологических типов на нашей территории идет преимущественно в меридиональном направлении. В южной части края как и в Советской Белоруссии преобладает определенный резко короткоголовый (индекс головной до 85), светлый тип поленчука, сравнительно низкорослый, с узким лицом и широким затылком. К северу короткоголовость убывает и в бассейне Днепра как на западе, так и на востоке уже преобладает мезоцефалический тип (индекс 78-80) высокого роста. Впрочем, антропологическая характеристика населения в Белоруссии и соседних с ней странах только в исключительных случаях совпадает с современными этнографическими характеристиками. Только к югу от Полесья довольно ясно выделяется антропологический тип уграинца, что связано скорее всего с наличием в нем тюркских элементов, в то время как в Белоруссии по мере продвижения на север усиливается влияния длинноголовых элементов, группирующихся вокруг Балтийского моря, а также по Западной Двине и доходящих до верхнего Днепра и района Смоленска. Некоторое усиление длинноголовости замечается вдоль Немана, в то время как короткоголовый тип



СРЕДНИЙ РОСТ НОВОБРАНЦЕВ.

свыше 1640 мм 1636-1640 мм менее 1635 мм

далеко восточнее на запад в окрестностях Полоцка. Но можно, что в дальнем северо-западном Белоруссии имеются какие-либо древние котлованы, где земля откладывает заслонами. Историко-географическая скобка первого по Немигу Твери, то же время короткого логотипа, скобчатой Белоруссии (82,0) исподвольно связывает их с бывшим представительским очагом короткого логотипа — Полоцком. Следует отметить, что в северных с Западной Белоруссией частях Этнографической Полоцкой (Мозыря) также замечается усиление длинного логотипа, так что даже восточные авторы отмечают обидчию в этом отношении Полоцкой и Западно-Белорусской территории. В Полоцке только квадратные города притягивают к короткому типу, но они имеют ряд «ущищенных» отчиний об изогнутом — это тип защищенно-обширных геометрических планов.

В окончании *роста* неслыханный заходит Белоруссия, где же не выходит от Западной. Ее южные части отходят к тому обширному полюсам широтности, который тянется через Полоцк в Немигу и дальше на запад. И к югу и к северу от этого полюса рост становится узким, что наблюдается как в описываемом here, так и в остальной Польши. Средний рост Польши в юго-западной половине XIX в. составляет для уездов*:

	Средн. Груп. рост в мм. индекс		Средн. Груп. рост в мм. индекс	
	Сленицкий	1647	Сокольский	1637
Людский	1645	—	Берестовский	1637
Слонимский	1643	51,9	Лиценский	1636
Волковыский	1642	52,4	Белостокский	1636
Иненский	1641	51,8	Кобринский	1634
Гродненский	1640	52,2	Новогрудский	1633
Пружанский	1640	52,1	Вилейский	1629
Одесский	1639	51,5	Мозырский	1629
Виленский	1638	52,4	Ангустовский	1628
Брестский	1638	51,0		51,9

В общих чертах отмеченная выше дифференциация в развитии роста Польши проявляется для исключением, однако некоторых условий (напр. Пинский, Слонимский с одной стороны, Витебский с другой). Обратите внимание на разницу в высоте, благодаря этому, также через середину Западной Белоруссии от Пинска до Славгорода, будучи ограничена со всех сторон более широкорастными рекордами. Кажется, что наибольшая широкорастность наблюдалась среди новобрачных в Белоруссии Польши, где средний рост их по губерниям колеблется от 1614 до 1630 мм. И только в трех из девяти губерний — от 1630 до 1640 мм. (кроме в среднем 1624-26 мм).

Впрочем, приведенные данные не исключают мозырьско-браславских дальневосточных работах. Так, по выраженным А. Драгевичем средним рост для восточного населения Лисичского у. выпадает за 1609 мм. Впрочем, следует иметь в виду, что вообще взрослое население превышает значительно выше, чем подростки, так как после 21 года рост еще продолжается.

Грудин — крепость на западе Белоруссии, памятник была выдана в 1616 г. в уездах, лежащих между Минском и Гродненском, Столинском, Витебском, Гродненском. Наконец в Полоцки и на юго-западе (Подляшие). Следует отметить, что эта широкорастная область имеет все же неизменно развитую групповую крепкую, а это опровергает представление о широкорастной части населения, как о более «табой» физически. Такое же заключение можно сделать и о населении физиографической Полоцкой.

Что касается, напомню, *истории газов и кожи*, то в этом отношении белорусское население довольно однородно. Исключительно широко, чем белоруссы. По данным Галико-Грининга первых (брюнетов) средний мужчина 54,5 см., белоруссы — 53,9 см., средний женщины — 13,3 проц., тогда как вторых 27 и 23 проц. Брюнеты, как правило, превосходят все же переходные тонки. Как в Полоцке так и в Западной Белоруссии количество брюнетов несколько больше, что можно отчасти объяснить постепенной обесцвечиванием южной половины земель по системе Петра. Западная Белоруссия, лежащая преимущественно в Бессарабии, связана с прибалтийскими областями, где также господствуют синие тона окраски газов, волос и кожи. Следует отметить, что в населении Польши также относится к светлому типу (брюнетов 25 проц., брюнетов 13 проц.) резко отличаюсь в этом отношении, так и вообще со стороны антропологической от украинцев (брюнетов до 21 проц.). Основного мало брюнетов в Полесье среди

* Цифры заимствованы из работы Л. Krywicki, Charakterystyka fizyczna ludnosci.

женин (6,5), тогда как среди украинок до 25 проц. Те же отношения можно наблюдать в отношении роста (рост польщиков 1640 мм, украинцев—1667).

Национальный состав. Для суждения о национальном составе населения Западной Белоруссии мы еще не располагаем исчерпывающими и неблажными данными. Итак, вопрос этот считается достаточно запутанным и обложняется условиями острой национальной борьбы, ведущейся на протяжении последнего столетия и особенно усилившейся в наше время. Атмосфера этой борьбы захватывает массы, формируя так или иначе их политические симпатии, откуда обычно и вытекает то или иное национальное самоопределение; с другой стороны, эта атмосфера оказывает прямое влияние на исследователя и в особенности на статистику, зачастую отображая в научных работах и статистических рядах цифры не столько фактическое положение вещей, сколько взгляды и ложекания авторов, политическая целесообразность, собирающих статистические следствия.

В то время, как включение в жизни этнографов многие определило вопрос о том, что по всей рассматриваемой территории сельское население является в подавляющем большинстве белорусским и заключают в себе только изнаночные включения иных национальных групп (польских, великорусских и др.), официальная статистика, проявляющаяся либо довоенной русской, либо современной польской администрацией, неизменно стремится увеличить численность соответствующих групп меньшинства за счет основной белорусской массы. Каждая новая перепись поэтому дает цифры национального состава настолько уклоняющиеся от предыдущих, настолько грубо-тенденциозные, что никакого сомнения в их недостоверности быть не может. Следует, однако, отметить, что довоенная русская статистика в этом отношении имела все же чувство меры, чего о польской статистике утверждать никоим образом невозможно. Извращение действительного положения вещей, допускаемые последней, не имеют равных себе в статистической практике исследуемых территорий.

Чтобы понять ту обстановку, в которой создается польская статистика обратимся к оценкам ее результатов польскими же учеными. Выдающийся польский географ проф. Е. Ромер из Львова в предисловии к итогам переписи, проведенной в Западной и Центральной Белоруссии польскими оккупационными властями в 1919 году *), не находит слов

* Spis ludności na ziemiach administracyjnych przez ZCZW 1920.

для изображения высоких качеств изложенной переписи, высокой даже в техническом отношении далеко несовершенно и неряшливо *). «Перепись эта, говорить проф. Ромер, является одним из великолепнейших документов административной работы в эпоху великой мировой войны... гордостью польской администрации... Труд, начатый и выполненный с большой любовью к правде». А между тем переписью 1919 г. отнесен к «полькам» выше миллиона белорусских крестьян-католиков и даже 65 тыс. чел. белоруссов православных. Последнее довольно неожиданное обстоятельство (администрация перестаралась!) заставляет автора прибегнуть к метафизическим рассуждениям о влиянии западной цивилизации. Категорически утверждая, что «католики белорусского происхождения причислили себя в значительной степени к польской национальности», проф. Ромер считает установленвшимся соотношение национальности и религии, по которому все католики должны принадлежать к польской национальности, а православные—к белорусской или великорусской. «Однако, пишет дальше автор, «в рамках этих взаимоотношений имеются мелкие модификации, которые являются знаменательным проявлением цивилизационных влияний востока и запада на понятие о национальности и на тенденции самоопределения вне зависимости от вероисповедания и этнического происхождения».

Как видим польский географ находит вполне приемлемым использовать обычное в малокультурной среде смешение понятий национальности и религии и готов покрыть своим авторитетом пеленгующие результаты административного усердия. Следует ли поэтому удивляться заявлению автора, что причиной вышеупомянутых соперничеств переписи 1919 года является не что иное, как то обстоятельство, что «немецкие войска никогда и нигде не провозглашали аннексии, а наоборот повсюду вели с собою принципы самоопределения народов» и что «этому принципу оставалась верна и администрация». Представляя настолько свежко, что спорить с ним излишне.

О польской переписи населения 1921 года пишет другой заслуженный польский ученый проф. Людвиг Краживицкий в книге *Rozbiór krytyczny wyników spisu*. Warzawa 1923. Л. Краживицкий значительно менее восторженно отзывается о результатах переписи 1921 года, вообще говоря технически более совершенной, чем перепись 1919 г., находят в ней ряд

* См., например, заведомо ошибочные цифры по Петриковской вол. Мозырского уезда, громадное количество «великоруссов» в Вилейском уезде, бесследно исчезающие в следующей польской-же переписи 1921 года.

10. Западная Белоруссия.

источностей и выясняет их причины. Однако и этот ученый пытается опровергать польскую национальную статистику. Он полагает, что национальность записывается согласно заявлению самого населения, находя подтверждение этому в малом количестве протестов и жалоб поступивших в центральные органы на статистический аппарат, а также в том обстоятельстве, что в связи с переписью «национальные меньшинства (украинцы, немцы, евреи) разделили силузту агитацию» *). Однако, относительно Западной Белоруссии сам автор указывает, что здесь такой агитации не было: «Перепись прошла здесь чрезвычайно спокойно» **). С другой стороны автор не скрывает, что «в виду отсутствия местной интеллигенции», Главное Стат. Управление выслало в Зап. Белоруссию значительное количество переписных комиссаров из Варшавы и Львова. Эти комиссары «получили инструкцию не навязывать населению чего бы то ни было вопреки его воле». О том, как выполнялась эта инструкция, автор не упоминает, но, очевидно, что самий факт издания такой инструкции убеждает его в том, что «перепись надлежащим образом определяла местные настроения». И далее автор подтверждает, что в данном случае следует говорить именно о настроениях, так как «сознательном определении своей национальности здесь еще не может быть и речи ***).

Последнее признание польского ученого имеет наиболее цепное значение, так как оно вскрывает действительный характер польской национальной статистики и обстановку, в которой проходила перепись. Фактически вопрос о национальности, имеющий целью выявить совершение определенное и объективно выраженное явление, был подменен вопросом о политическом настроении, о политической ориентации. В условиях полицейского режима, господствующего в Зап. Белоруссии, и преследований, которым подвергается белорусское крестьянство только в силу подозрений в симпатиях к Советской Белоруссии,—очевидно, что причисление себя к белорусской национальности было вообще покоряющим: оно должно было истолковаться как недовольность в отношении Польского государства и привлечь за собою все последствия такого истолкования. Следует ли в этих условиях удивляться, что большая половина белорусского крестьянства в результате переписи фигурирует в графе «польской национальности», что в этой графе имеются долями тысяч «правостав-

*). Стр. 9.

**). Стр. 21.

***). Стр. 30.

ных», поляков «старожильческих» и иных лиц существующих в действительности населения?

Однако с Л. Кржижанским нельзя согласиться, что о сознательном определении населением Зап. Белоруссии своей национальности в 1921 году «не может быть и речи». Через 20-25 назад такое утверждение имело под собою некоторые основания, теперь же оно несомненно устарело. На наших глазах в условиях социалистической государственности происходит самоопределение десятков, гораздо более отсталых, чем белоруссы, народов; такой же процесс мы видим в Восточной Белоруссии. Почему же о нем не может быть речи в Западной Белоруссии, всегда стоящей по своему культурному уровню выше остальных частей Белоруссии? Разве только потому, что этого не желает буржуазная Польша, в настоящее время распоряжающаяся судьбами края. Впрочем факты современной политической действительности достаточно противоречат выводам Л. Кржижанского.

Мы задержались на рассмотрении взглядов польских ученых, чтобы показать, что даже наиболее серьезные и ответственные из них не могут устоять против напора буржуазного общественного мнения, требующего во что бы то ни стало политики национального насилия на окраинах, политики удушения национальных меньшинств, и, конечно, соответствующего обоснования этой политики специальными для этой цели «фабрикованными статистическими данными».

Любопытно, что в оценке дооценной русской статистики те же ученые (и ряд других) чрезвычайно строги, требовательны и беспощадны. «Ложность результатов переписи 1897 г. ни в ком не возбуждает сомнений» заявляет проф. Ромер. Однако, метод при помощи которого проф. Ромер, а вслед за ним Я. Чекановский *) пытаются корректировать данные этой переписи, способен возбудить некоторые сомнения. Для своей цели позорные авторы берут цифры, собранные в 1909 году по поручению Столынина для обоснования его проекта о земствах в белорусских губерниях. Метод собирания этих данных не дает гарантий достоверности и потому они, конечно, уступают данным 1897 года. К тому же назывшие польские авторы пытаются, что национальный состав населения лучше всего отражается не массовыми данными, а группировкой цensовых избирателей по так наз. «национальным» курьям, которую проводило столыпинское законодательство. Дело в том, что исходя из чисто тактических соображений, Столыпин объединил в «поль-

*) J. Czkanowski. Stosunki narodowo-wyznaniowe na Litwie i Rusi. Lwów. 1918.

ской курии» всех «лиц польского происхождения», отнеся к последней и белорусов католиков в виду их бимозионного настроения и польской ориентации. В «русскую курию» попали великоруссы, белорусы—православные, немцы и пр. элементы, не связанные с польской ориентацией. Таким образом и это дельце до некоторой степени может отражать только политические настроения, учтенные полицейским аппаратом Столыпина, а никоим образом не национальный характер тех или иных групп населения. Наконец, совершиенно неправильным следует признать суждение о составе массы населения по составу одной из его классовых группировок—имению землевладельцев, хотя бы и мелких. Конечно, цифры, полученные таким образом, благоприятны для целей польской политики, однако достаточно белого напосредственного знакомства с действительностью, чтобы убедиться, что как раз среди класса т. наз. частных землевладельцев мелких и крупных и только здесь сильно представлены те католические элементы населения, которые Столыпиным отнесены к «польской курии».

Основные массы надельного крестьянства, городской и сельский пролетариат, словом, трудовые классы населения оставляются данными исследователями без внимания, что может служить одним из ярких примеров классовой политики и классовой статистики буржуазии и выявляет действительную сущность польских претензий на востоке. Земли, принадлежащие в Белоруссии помещикам-илюзиям, (а также и белоруссам-католикам), польские ученые готовы были считать государственной территорией Польши, не предполагая того, что надвигающаяся революция ликвидирует «священное» право собственности, а вместе с ним и весь громадный «*polski stan posiadania*» в Центральной и Восточной Белоруссии. Польские претензии, являющиеся классовыми претензиями буржуазии и поместного дворянства, потерпят крушение и в Зап. Белоруссии вместе с крушением господства нетрудовых классов в Польше.

Уяснить себе действительное положение вещей в данном вопросе можно было бы прежде всего путем ознакомления с происхождением отдельных национальных групп населения Зап. Белоруссии, как его рисует история. К сожалению, колонизационные процессы отдаленного прошлого в Зап. Белоруссии чрезвычайно мало изучены.

Первым населением края в историческую эпоху были белоруссы и литовцы, составляющие и в настоящее время основную крестьянскую массу населения края. Возможно, что литовцы в древнейшие исторические периоды жили незначительное восточнее своих настоящих границ, и белорусская колониза-

ция, движавшаяся, главным образом, вниз по течению больших рек—Немана, Вилии, Двины—отнесла их к западу. Понятому, имела место эта колонизация и в позднейшие периоды. Так, Baliński*) утверждает, что по данным старых инвентарей и описей волостей в XVII-м веке, когда войны и эпидемии совершили опустошении окрестности Вильны, туда направилась колонизация из внутренних белорусских областей. Не отрицая этого факта, приведенного упомянутым автором для обяснения белорусского характера окрестностей Вильны, мы полагаем, что в эпоху, когда Вильна была столицей Вел. Кн. Литовского—страны с преобладающим белорусским населением и господствующей белорусской культурой,—привлекаемые ею значительные количества населения из разных белорусских областей могли селиться как в самом городе, так и в его окрестностях, усиливая связь далеко на запад выдвинутой столицы с восточной периферией государства. Впрочем, предположения о первоначальном литовском характере окрестностей Вильны, являются далеко не бесспорными; заставляет вниманием то обстоятельство, что задолго до легендарного основания Вильны литовцами в XIV-м веке, она существовала, как столица одного из удельных белорусских княжеств и упоминается в Воскресенской летописи, как таковая под 1129 г. Несомненно, что вдоль белорусско-литовского пограничья еще совсем недавно можно было наблюдать процесс постепенной ассимиляции литовцев белорусами, связанный вероятно с тем обстоятельством, что вытесненный из государственных канцелярий и школ белорусский язык по традиции продолжал и продолжает господствовать в народном быту не только чисто-белорусских, но зачастую и смешанных белорусско-литовских, белорусско-латышских и др. районов. На нем к тому же легче было обясняться с представителями других славянских народов (польскими, русскими), чем на сокращенно написанном для последних литовском языке.

Что касается польской колонизации, то она прежде всего направлялась на территорию Зап. Белоруссии по р. Нареву и его притокам, т. е. на земли, принадлежавшие в XI-XIII веке, литовскому племени ятвягов, уничтоженному затем польскими, украинскими и белорусскими князьями. Дальнейшее продвижение на восток, долгое время для польского землевладения было стеснено специальными ограничениями, существовавшими в законодательстве Великого Княжества Литовского: только после отмены этих ограничений, после Люблинской униони (1569 г.), начинается регулярный прилив польского населения—главным образом мещан и пляхты, в Белоруссию.

*) Baliński i Lipiński. Starożytna Polska. Warszawa. 1844.

Вторичем, современное польское население Зап. Белоруссии только в незначительной степени связано своим происхождением этой иммиграции; гораздо большую роль здесь играла полонизация известной части белорусского и литовского дворянства (шляхты), менданства и даже крестьянства, имевшая место в XVII и XVIII веке, усилившаяся после присоединения края к России и несколько ослабевшая в последние десятилетия под влиянием растущего национального самосознания белоруссов и литовцев. Причины этого явления достаточно сложны и должны быть освещены в историческом озарке: мы же отметим только громадную роль в деле полонизации белоруссов католического духовенства, утратившего вместе с падением Польши свое господствующее положение в kraе и стремившегося вернуть это путем восстановления польской государственности на белорусских землях. Его агитации и влиянию следует приписать установившееся среди темной католической массы смешение национальности с религией и ориентацию на Польшу. Оставаясь по языку и быту чисто-белорусской, эта масса нередко воспринимала польскую национально-клерикальную идеологию и не препятствовала отнесению ее во время переписей к польской национальности. Такое неестественное положение вещей в значительной степени поддерживалось политикой царского правительства, применявшего в Белоруссии ко всем католикам ряд правовых ограничений и передко даже сменившего в официальных актах католиков-белоруссов с поляками.

В течение последнего десятилетия перечисленные выше условия коренным образом изменились. Воздвигнутая польская буржуазная государственность уже успела разочаровать в себе католиков-белоруссов. На смену единому национальному фронту во всей Польше широко разрывается классовая борьба, и под воздействием идей революции с каждым днем все более加強ает влияние духописства. С другой стороны революция вынуждает к жизни небывалый рост национального самосознания белорусских масс, увеличивающийся с каждым годом и охватывающий территорию, которую лингвистами считались окончательно полонизированными. Имея все это в виду, следует признать, что имеющаяся национальная статистика, даже если она и была в свое время достоверной, в настояще время уже является устарелой: количество белорусского населения, которое в ней указано—безусловно преувеличено.

Обратимся теперь к непосредственному рассмотрению и сравнению статистических данных о национальном составе населения. Если не считать совершенно утративших значение данных 60-х годов прошлого века, когда самое понятие о бело-

русской национальности для статистики было недостаточно ясным, то мы располагаем материалами следующих сплошных переписей: 1) всеобщей переписи населения Российской Империи 22 января 1897 года, 2) переписи населения на территории, управляемой польским Гражданским Управлением Восточных земель, в декабре 1919 года и 3) всеобщей переписи населения Польской Республики 30 сентября 1921 года. Кроме того можно использовать еще данные национальной статистики Западных губерний на 1 января 1909 года, собранные администрации путем по распоряжению Столыпина; данные эти несомненно неточны и тенденциозны, однако мы вынуждены их рассматривать, так как ими до последнего времени аргументировали почти все польские авторы, которые писали о национальном составе Зап. Белоруссии.

В приведенной таблице мы даем процентное соотношение главных национальностей края на основе перечисленных переписей по уездам, относящимся к Зап. Белоруссии целиком или большей частью и охваченным последней польской переписью 1921 года. Административного деления этой переписи мы и придерживаемся, давая по предыдущим переписям данные о территориальных единицах, по возможности соответствующих одному или нескольким уездам 1921 года.

Наиболее полным и безупречным статистическим источником по вопросу о национальном составе населения Зап. Белоруссии является несомненно перепись 1897 года. В то время национальные проблемы были гораздо менее заострены и массы населения в гораздо меньшей степени были захвачены национальной борьбой. Может быть по этой причине перепись 1897 г. дает национальную характеристику края, наиболее близкую к этнической. Но несомненно и эта перепись имеет свои недостатки. Так, основные массы населения южных уездов Гродненской губ. причислены к «малороссам», хотя население это, представляя собой, переходный белорусско-украинский тип, по всей вероятности, стоящий ближе к белорусам, в настояще время себя самоопределяет преимущественно, как белорусское. Ввиду этого, а также потому, что основной целью нашей работы является установление соотношений белорусского и польского элементов населения, мы в приведенной таб. в цифрах 1897 года «малороссов» из южных уездов Гродненской губ.—причислили к белорусам.

В отношении количества и размещения польского населения Зап. Белоруссии перепись 1897 года является новидному наиболее достоверным источником, данные которого почти совпадают с наблюдениями этнографов и лингвистов. Во всяком случае, если цифры 1897 г. и точны, то скорее в пользу

зу поэтами, чем белоруссом, что напр., несомненно имеет место в южной части Сувалкской губ., в Белостокском и Бельском уездах и корректируется в отношении последних уездов данными 1909 года, на которые польские авторы так охотно ссылаются.

Что касается польских переписей, то рассмотрение приведенной таблицы с современной ясностью указывает на то, что эти переписи являются только политической ширмой, отражающей в большей мере аппетиты польского империализма, чем действительные соотношения. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим графы 5-8, указывающие % польского населения по всем четырем переписям. Польское население, составляя во всех почти уездах края, за исключением непограничных с Польшей, совершенно незначительную группу в 1-2 проц. и не выше 5-6 проц. в отдельных уездах, в изображении польских переписей вырастает в основную массу населения, составляющую напр., по данным 1921 г. большинство населения в 7 уездах, а в остальных весьма солидное меньшинство. Цифры эти настолько неправдоподобны, что сами творцы польской статистики не считают нужным обращать внимание на разницу в них противоречия. Сравнивая данные о % поляков за 1919 г. и 1921 год, мы видим по всем без исключения уездам громадный и ничем необъяснимый прирост польского населения. Так, в Новогрудском у. процент поляков поднялся с 14,4 до 35,4, в Барановичском с 16,0 до 42,6, в Пружанском с 11,7 до 44,2, а в Кобринском с 15,2 до 61,7. Нам могут возразить, что за эти два года возвращались в значительном количестве беженцы, но ведь, так как раз польские же авторы устанавливают, что в беженство направлялось главным образом белорусское православное население, тогда как даже католики-белоруссы и уж во всяком случае поляки «старались скользнуть от беженства при всяком удобном случае»*). С другой стороны польская статистика возврата беженцев на родину указывает, что количество возвращавшихся белоруссов-беженцев было выше, чем количество всех возвращавшихся вообще в Польшу беженцев-поляков, а следовательно за счет возврата беженцев процент польского населения должен был не увеличиваться, а, наоборот, уменьшаться. Таким образом рост польского населенияничем необъяснимый и неподтвержденный может быть отнесен исключительно за счет «статистического творчества польской администрации.

Весьма показательным может быть сравнение цифрыпольского населения за 1921 год с общим количеством католиков за этот же год. Как известно—и никто этого не отрицает—в

^{*)} L. Krzywicki. Rozbiór krytyczny.

Национальный состав населения Зап. Белоруссии по данным русским 1897 и 1909 г.
1897-1909 г.

ПРИЧЕМЧЕНІЙ (Причесеній) 1897 г. він було видано після смерті письменника. Також він є відомим під назвою «*Бакалавр Ульяновського університету*».

Зап. Белоруссии к католическому вероисповеданию принадлежат почти все поляки и значительная часть белоруссов. Поляков же, принадлежащих к иным религиозным культурам чрезвычайно мало: несколько сот душ протестантов, весьма немного ассимилировавшихся евреев и наконец до войны имелось значительное количество *) поляков православных, происшедших от т. н. смешанных браков католиков с православными, дети которых по царским законам должны были быть православными. После 1905 года эта категория почти растворялась, так как эти «православные по принуждению» в первую очередь покинули католицизм. Благодаря этому категория «православных поляков» уже перед войной стала полным анахронизмом и во всяком случае большой редкостью. Совершенно неожиданно мы сталкиваемся с этой категорией впольских переписях. Оказывается, что такими «православными поляками» населены целые уезды—напр. Кобринский, который имеет 61,7 проц. поляков при 78,9 проц. православных и 5 проц. католиков. Таким образом кобринские помещушки, и сплюха не говорящие по-польски и притом определенно выражебно настроенные по отношению к польской государственности и пляхской культуре, сами оказались поляками—это секрет «великолепной» польской статистики. То же явление в не сколько смягченном виде наблюдается во всем уезде, за исключением одного, Луниновичского, где количество поляков несколько ниже, чем католиков.

Таким образом мы видим, что по данным польской статистики не только ликвидированы почти все белоруссы-католики, (а их имеется свыше 1 миллиона чел.), но прихвачено и значительное количество белоруссов-православных. В последнем случае мы имеем дело с грубым обманом, рассчитанным на полную неосведомленность европейской науки о национальных отношениях Зап. Белоруссии, но еравнительно легко разоблачимым. В отношении католического населения обман этот не так сильно бросается в глаза, тем более, что темные массы населения в Белоруссии обычно считают католицизм «польской верой» и сами смешивают свою национальность с вероисповедной принадлежностью. На этом смешении понятий, старательно культивируемом польским духовенством и буржуазией, базируется вся польская политика в Зап. Белоруссии. Польская статистика фиксирует результаты исполь-

*) В Виленской губ., например, поляков-православных насчитывалось 497 чел. или около 0,4% всего польского населения губ. Такое же значение этой категории и в Гродненской губ. за исключением Бельского уезда, где имелось 3218 православных, говорящих по-польски, что конечно, вполне возможно в этом пограничном районе.

зования народной темноты в политических целях под видом «настроений масс», которые приравниваются к национальному самоопределению. Мы, однако, не считаем возможным яти таким путем и будем считать католиков-белоруссов—белоруссами, полагая, что это единственно возможное решение три национальном подходе к вопросу.

Чтобы установить действительную численность поляков в составе населения Зап. Белоруссии следовало бы, конечно, прибегнуть к данным о родном языке населения. К сожалению, для настоящего времени фактически это сделать почти невозможно, так как в польских переписях несомненно и данные о родном языке, пока еще не опубликованные, будут также неизвестны, как и данные о национальности. Для установления действительной цифры поляков приходится поэтому пользоваться цифрами переписи 1897 года, несколько увеличивая их ввиду написки в последние годы в Зап. Белоруссии беспорядочно польского элемента: чиновничества и военных колонистов. Чиновников из «восточных окраинах» Польши числилось в 1923 году около 23 тысяч, военных колонистов около 9 тыс. *), что составляет по отношению ко всему населению края только 0,5 проц. Цифру эту можно еще несколько увеличить, чтобы охватить семьи чиновников и колонистов, но во всяком случае общее количество этой новейшей польской иммиграции составит немногим более одного процента, так как значительная часть чиновничества рекрутируется все же из местного польского населения, уже охваченного предыдущими переписями. Таким образом, мы видим, что цифры переписи 1897 года относительно процента поляков можно в настоящее время увеличить по большинству уездов Зап. Белоруссии не более чем на 1-2 проц.

Что касается других национальностей края, то количество евреев постнее этого можно определить исходя из вероисповедной статистики, которая несомненно гораздо более точна, чем национальная и, возможно, не подверглась крупным искальваниям. Общее количество евреев в Западной Белоруссии после войны уменьшилось сравнительно с дооценными данными, в связи с различными эвакуациями, беженством и эмиграцией, как внутрь России, так и в Зап. Европу и за океан.

Количество великоруссов за время войны несомненно также упало. До войны великорусское население состояло главным образом из двух элементов: приезжего чиновничества и постоянных жителей края великоруссов-старообрядцев, переселившихся сюда, начиная с XVII века. Перепись 1921 года за-

*) В настоящее время военных колонистов в Зап. Белоруссии насчитывается уже 13.000.

считывает великоруссов в Зап. Белоруссии менее 1 проц., что несомненно является преуменьшением; даже старообрядцы местами отнесены к польской национальности. В виду этого и в данном случае признальше будет принять цифры 1897 года, хотя бы уменьшенные на половину.

Что касается белоруссов, то за исключением уездов пограничных, о которых сказано будет несколько ниже, для приблизительного определения их количества вполне можно пользоваться данными переписи 1897 г., которые, если бы их и следовало изменить, то скорее в пользу белоруссов, чем наоборот. Из других национальностей, как мы уже говорили, мог несколько возрасти только процент поляков, но так как процент великоруссов и евреев уменьшился гораздо значительно, то процентная доля основной группы населения—белоруссов должна была повыситься.

Из пограничных областей следует остановиться прежде всего на *Белостокской области* или так наз. *Подляшши*. В Белостокском уезде имеется уже некоторое количество коренного польского населения. Оно сосредоточено частью по северо-западной границе уезда, частью среди городского населения, живущего в Белостоке и 8-ми его пригородах. Сельское население вокруг г. Белостока преимущественно белорусское; на западе в этом месте этнографической польско-белорусской границей можно считать реку Нарев—в 20 километрах от города. Самый Белосток до войны имел 66 проц. еврейского населения, 18 проц. польского, русских 6 проц., белоруссов 2 проц., немцев 5,5 проц. Теперь евреев осталось только 52 проц., количество русских уменьшилось в три раза и за счет их возрасли прочие группы, главным образом поляки, (а также вероятно, и белоруссы, хотя это в данных переписи 1921 года не отразилось). Таким образом Белосток, этот важнейший рабочий центр Западной Белоруссии, как до войны, так и теперь, даже по данным польской статистики, имеет определенное непольское большинство населения. Количество белоруссов в Белостокском уезде переписью 1897 года вероятно преуменьшено (белоруссов указывается 26 проц. при 44 проц. поляков, тогда как, по данным 1909 года, наоборот, поляков 18 проц., а белоруссов 47 проц.); это, вероятно, связано с отнесением в графу поляков групп с переходными белорусско-польскими диалектами. То же явление несомненно имело место и в Августовском уезде, где вследствие административной связи уезда в продолжение всего XIX-го столетия с этнографической Польшей, белоруссы сильно полонизированы и уже перепись 1897 года указывает их в меньшинстве (32,5 проц.), тогда как по данным этнографии белорусская речь еще недавно, (а быть может, и

теперь) доходила до Сувалек на севере, Граевка и Щучина на юго-западе (см. напр. Ритих. Приложение к материалам для этнографии Царства Польского СПБ 1864), и весь Августовский уезд являлся белорусским; поляки-мазуры в уезде были представлены позначительной группой, так наз. «будниками», занимавшими выжиганием угля и выгонкой ляг в обширных августовских лесах.

Возможно также, что переписью 1897 года преувеличено количество поляков и в Бельском уезде (34,9), где по данным 1909 года их имеется только 9 проц. Повторяем, что на последний источник мы находим возможным ссылаться потому, что достоверность его признают выдающиеся польские статистики и географы.

Что касается данных польской переписи 1921 года *) по этим уездам, то о них можно и не упоминать. Так как линии Керзона эти уезды отнесены к Польше, то польская статистика стремилась подвести под это решение, несомненно выгодное для Польши, хотя и не удовлетворяющее ее правящих классов, надлежащие основания, изображая край совершенно польским. Даже в сплошь белорусском Сокольском уезде (84 проц. белоруссов в 1897 году), перепись 1921 года смогла насчитать только 5 проц. белоруссов. А между тем все этнографические записи, произведенные в этом уезде, притом главным образом в его западной части, польским этнографом М. Федорowskim и изданные Krakowskoj Akademiej Nauk **), свидетельствуют с полной честопоримостью о белорусском характере населения Сокольского уезда.

О том же свидетельствует и этнографическая карта белорусско-польского пограничья, приложенная к труду польского статистика Е. Чинского ***) изданному еще в 1909 году, которую мы воспроизводим в виду ее действительной научной ценности.

Особо следует рассмотреть национальную статистику Вильленской области и вообще белорусско-литовского пограничья, в 1921 году входившего в состав так наз. «Средней Литвы» и потому неохваченного переписью. Население этой территории почти сплошь католическое, находилось под непосредственным влиянием такого мощного центра польского клерикализма, каким являлась Вильна, и вследствие этого полонизировалось

*) Переписью 1919 года уезды Белостокский, Бельский, Сокольский и Августовский не охвачены, так как они тогда уже считались бесповоротно присоединенными к Польскому государству.

**) M. Fedorowski. Lud bialoruski na Rusi Litewskiej. Krakow 1901-3.

***) E. Czyński. Etnograficzno-statystyczny zarys liczebności i zosiedlenia ludności polskiej. W. 1909.

наиболее сильно. Неудивительно поэтому, что польские империалисты считают эту область своей главнейшей базой в Зап. Белоруссии, несмотря на то, что весь этот край за небольшим исключением говорит только по-белорусски и вообще ничем особенным от остальных уездов Зап. Белоруссии не отличается.

Город Вильна, по данным переписи 1897 года, имел 30,9 проц. поляков, рядом с 40,3 проц. евреев, 20,2 проц. русских, 4,2 проц. белоруссов и 2 проц. литовцев. Таким образом, Вильна по составу своего населения не могла считаться польским городом, тем более, что в трафе поляков попало много поззионированных белоруссов и литовцев, также как в графе «русских» много русифицированных белоруссов. Борьбеные национальности края—белоруссы и литовцы—представлены этими цифрами весьма неизначительно, хотя все же количество белоруссов вдвое больше, чем литовцев.

За годы войны и польской оккупации, конечно, уменьшилось количество русских и увеличилось количество поляков. В настоящее время Вильна, являющаяся главным административным центром Зап. Белоруссии, имеющая польский университет, десятки средних школ и массу чиновничества, значительно усилила свой польский характер. Выражается этот польский характер в том, что часть населения этнически несомненно белорусского или литовского происхождения, обычно говорит на ломаном польском языке и совершенно искренно считает себя польской, что конечно отразилось и на данных переписи 1897 года.

Совершенно иначе дело обстоит в Виленском уезде и всей Виленской области. Здесь католическое население не только по происхождению, но и по языку белорусское, а местами на западе—литовское. Возможно, что политические симпатии часть этого населения связывают с буржуазно-клерикальной Польшей и это обстоятельство объясняет сравнительно высокий процент поляков (12 проц.) в Виленском уезде по данным 1897 года; эти 12 проц. в изображении польской статистики вырастают до 87,3 проц., что, конечно, не характеризует не только национальности, но и «настроений» большинства населения уезда. Вообще политические симпатии к буржуазной Польше в настоящее время значительно ослаблены ростом классового и национального сознания масс; изменчивый характер этих симпатий не дает никакого права говорить о польском характере края.

По отношению к *литовцам* цифры польских переписей значительно ближе к истине. При определении национальности здесь религиозный мотив не мог иметь такого значения, как

Таблица 10.
Национальный состав населения Виленской области.

У Е З Д Ы	Бело- руссы		Поляки		Евреи		Литовцы	
	1897	1919	1897	1919	1897	1919	1897	1919
Вильна город	4,2	1,4	30,4	56,2	40,3	36,1	2,0	2,3
Виленский уезд	42,0	0,3	12,1	87,3	7,4	3,6	35,0	7,5
Свенчанский	47,6	13,4	6,0	44,3	7,1	4,7	33,8	27,6
Ошмянский (вм. с Воложинским). . . .	80,1	5,9	1,7	68,3	12,1	5,6	3,8	0,0
Браславский	16,8	15,3	8,9	52,5	12,7	3,9	49,8	15,0

в отношении белоруссов (хотя и здесь нередки попытки польских плюнистов убеждать массы, что литовская национальность тождественна с язычество...). Свою роль играют в данном случае и более развитое национальное сознание литовского крестьянства. При рассмотрении статистических данных следует иметь в виду, что пограничные уезды заселены частично литовцами, частично белоруссами, при чем те и другие занимают смежные территории с незначительными взаимными выкраплениями, как то видно на приложенной карте. Поэтому вполне возможно при вычислениях делить территорию уезда между белоруссами и литовцами пропорционально их численности. Так, белорусской является восточная часть быв. Ново-Александровского у. Ковенской губ., состоявшая теперешний Браславский уезд, тогда как большая западная часть уезда—чисто литовская. Действительное соотношение национальностей в этом уезде в настоящее время, вероятно, таково: поляков, равномерно рассеянных по всему уезду—также как и в 1897 году—9 проц., литовцев—15 проц., евреев (по вероисповедному признаку)—5,2 проц., русских (считая всех старообрядцев, хотя среди последних есть довольно много белоруссов)—9 проц. и белоруссов свыше 60 проц. Также на две части, но уже с перевесом в сторону белоруссов делились уезды Виленской и Свенчанской.

Польша оккупировала как раз восточные и юго-восточные белорусские части земельных уездов, захватив только небольшие участки с литовским населением, отчего процент последнего сопоставительно с данными 1897 года по однотипным

*). Цифры 1897 года относятся ко всему Новоалександровскому уезду, большая западная часть которого исключительно литовская и в состав Браславского уезда не входит.

уездам понизился. Весьма характерно, что границы польской оккупации приблизительно совпадают с этнографической белорусско-литовской границей, что вполне отвечает планам польской политики относительно полонизации белоруссов. В отдельных в Польше частях рассматриваемых уездов литовцы являются довольно слабо представленным меньшинством—около 10 проц. населения, а в абсолютных числах 55 тыс. чел.

Данные переписи 1897 года определенно свидетельствуют о белорусском характере Виленской области и в этом отношении совпадают со всеми научными наблюдениями этнографов и лингвистов. Данные же польской статистики в отношении белоруссов могут быть охарактеризованы цифрами по Ошмянскому уезду, где в 1897 г. было белоруссов 80,1 проц., а по данным переписи 1919 года только 5,9 проц., несмотря на совершенно бесспорный белорусский характер уезда. И в данном случае польская статистика отражает только политические стремления, притом не самого населения, а правящих кругов Польши, и противоречит выводам польских же ученых, как, напр., проф. Розвадовского, Е. Чинского и др.

Разбор статистических данных о национальном составе населения Западной Белоруссии показал нам, насколько скромный и запутанный материал они представляют. Имея в виду все замечания по отдельным уездам и об отдельных национальных группах попытаемся дать суммарные цифры по всему краю. В основу процентного исчисления несомненно следует положить данные всеобщей переписи 1897 г. Возьмем для простоты вычислений цифры по всей Гродненской, Виленской губ. и 2-м уездам (Новогрудский, Минский) Минской губ., т. е. по территории, почти совпадающей с Западной Белоруссией, но включаящей также некоторую часть этнографической литовской территории. Численность отдельных национальных групп в 1897 г. указана в графах 2 и 3 следующей таблицы 11.

Цифры 1897 года относительно еврейского и великорусского населения, разномерно рассеянного по всему краю, следуют признать характерным для Зап. Белоруссии в то время. Количество же литовцев и поляков значительно увеличивается благодаря входению в указанные административные единицы сплошных этнографических территорий литовской и польской. Если эти территории исключить, то количество литовского населения будет очень незначительно (около 1 проц.), численность поляков, судя по данным 1897 г. и 1909 г. помещенным в таблице 9 также приблизительно вдвое ниже приведенной в графе 3. За счет этих групп численность белорусского населения на этнографической белорусской территории должна возрасти уже в 1897 г. до 74-75 проц. В подтвержде-

Таблица 11.
Процентное соотношение национальных групп Зап. Белор.

Абсолютное количество	В % от всему населен.	Числен. нац. групп по переп. 1897 г. в Виленск., Гродн. и 2-х уезд. Минской		Числен. нац. групп по переп. 1921 г. в Виленск., Гродн. и 2-х уезд. Минской	
		Тоже при включении белорусс. территорий	в % от населе- ния по бывшему Белоруссии	Тоже для Зап. Белоруссии в 1921 г.	Числен. нац. групп в Виленск., Гродн. и 2-х уезд. Минской
1	2	3	4	5	6
Всего населения .	3.672,7	100	100	100	100
В том числе:					
Белоруссов (в тыс. чел.)	2.339,8	63,7	75	78,4	77
Евреев . . .	554,3	15,1	15	14,2	12
Поляков . . .	302,9	8,3	4	2,7	6
Великоруссов . . .	162,7	4,4	4	3,2	2
Литовцев . . .	283,8	7,7	1	1,2	2
Прочие . . .	29,1	0,8	1	0,3	1

ние этих расчетов приводим в графе 5 процентное соотношение национальных групп по 13 двояенным уездам, целиком входящим в территорию Зап. Белоруссии и почти незадевающим иных этнографических территорий. Для этих уездов, составляющих почти ¾ всей Зап. Белоруссии, процент белорусского населения повышается даже до 78 проц., но мы, имея в виду также пограничные районы со смешанным населением, должны снизить его до 74-75 и соответственно увеличить процент поляков.

Такие процентные соотношения характерны для 1897 г., но в настоящее время они несомненно подверглись изменениям, о которых уже говорилось выше. Прежде всего в связи с переменой государственности изменилось количество великоруссов и поляков: число первых упало, число вторых возросло; мы, вероятно, не выделим в большую ошибку, если будем считать оба эти процента взаимно друг друга компенсирующими. Но с другой стороны количество еврейского населения несомненно упало благодаря эмиграции. Цифры всенародной статистики 1921 года указывают численность евреев в пределах Зап. Белоруссии только в 12,0 проц.*).

*.) В 20 уездах Зап. Белоруссии насчитано 387,9 тыс. чел. «старо-законных».

что следует признать достоверным. Возвращение беженцев на родину не увеличило этого процентного отношения, так как евреи среди возвратившихся в Польшу беженцев составляют только 2,7 проц. Таким образом следует считаться с понижением проц. еврейского населения с 15,1 до 12,0. В результате этих изменений численности национальных меньшинств Зап. Белоруссии численность основной национальной группы белоруссов должна была возрасти не менее чем до 77 проц. общего количества населения.

Какие соотношения существуют в действительности, и в какой степени наши предположения отвечают этой действительности,—об этом могли бы сказать только данные переписи населения, проведенной в более или менее нормальных условиях статистической работы. Во всяком случае несомненно, что приведенные выше исчисления во много раз ближе к истине, чем данные польской статистики. Несомненно также и то, что Западная Белоруссия по своему национальному составу является в такой же степени белорусской территории, как и территория восточной, Советской Белоруссии.

Остановимся кратко еще на *вероисповедном составе*, играющем в политической жизни Зап. Белоруссии немаловажную роль. По данным переписи 1921 года в 29 уездах Зап. Белоруссии из 3246 тысяч всего населения насчитывалось католиков 1401 тыс. (43,2 проц.), православных 1411 тыс. (43,5 проц.), старозаконных 390 тыс. (12 проц.).

По отдельным воеводствам эти соотношения представляются следующим образом:

Таблица 12.

ВОЕВОДСТВА	Католи- ков	Право- славных	Староза- конных	Прочих	Итого	В ти ся ча х					
						В	т	и	с	я	ч
Вилленское . .	602	261	94	26	933						
Белостокское (6 уезд.)	422	191	126	11	751						
Новогрудское . .	324	421	74	3	822						
Полеское (8 уездов) . .	53	538	95	3	690						
Итого . .	1.401	1.411	390	44	3.246						
% . .	43,2	43,5	12,0	1,3	100						

Мы видим, что в общем составе населения края католическая и православная группа представлены почти одинаково. Мы не располагаем достоверными материалами для выяснения вероисповедного состава отдельных национальных групп, однако, некоторые грубые исчисления все же дают приблизительную картину существующих соотношений. Так, исходя из установленной нами вероятной численности национальных групп, мы можем установить численность белоруссов-католиков. Если от общего количества католиков (43 проц.) отнять почти исключительно католические группы поляков (6 проц. общего количества населения) и литовцев (2 проц.), то остальные 35 проц. несомненно принадлежат белоруссам-католикам. Православных белоруссов в крае несколько больше. Так как количество православных других народностей (русских, украинцев) вряд ли выше 1—1,5 проц. населения, то православных белоруссов должно быть около 42 проц. всего населения края. Таким образом среди самого белорусского населения Зап. Белоруссии в 1921-22 году имелось около 45 проц. католиков и 55 проц. православных. Исходя из общего количества населения Зап. Белоруссии к началу 1923 года в 3500 тыс. человек,— имелось в этом числе: белоруссов-католиков 1225 тыс. и белоруссов-православных—1475 тысяч, а всего белоруссов—2700 тыс. Соответственно с вышеприведенными расчетами количество поляков в крае должно составлять около 200-250 тыс., великоруссов около 70 тыс.. (из них часть православных, часть старообрядцев), евреев около 420 тыс.

Таков действительный национальный характер этого края, позволивший создать столь яичную организацию белорусских крестьян и рабочих («Белорусская Рабоче-Крестьянская Громада») в то время, как польские авторы и официальная польская статистика всеми мерами стремилась изобразить его польским с незначительной только примесью темного, массивного белорусского или даже не белорусского, а только «местного» меньшинства.

Профессиональный и классовый состав. Данными о распределении населения Зап. Белоруссии по профессиям и классам мы располагаем пока в очень ограниченной степени, при чём достаточно разрозненными и неполными. Ввиду этого и в отношении статистики профессий нам придется воспользоваться прежде всего цифрами переписи 1897 г. Перепись эта, как известно, дает распределение по родам занятий, как лиц имеющих самостоятельный заработок, так и членов их семей. Рассмотрим прежде всего данные о процентном

распределении лиц, имеющих самостоятельный заработка по 2-м губерниям—Виленской и Гродненской.

Таблица 13.

ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ	Перепись 1897 г.				
	Виленск. губ.	Гродн. губ.	По об- щим губ.	Германия 1907 г.	Дания 1901 г.
Земледелие и лесоводство . . .	55,7	48,7	52,1	35	48
Промышленность обрабатывающая . . .	12,5	15,0	13,7	40	25
Пути сообщения и связь . . .	2,1	2,1	2,1	4	4
Торговля	4,6	4,9	4,7	9	8
Администрация, интендантация, духовенство	2,8	2,9	2,8	4	4
Армия	4,8	12,7	8,9	2	1
Частная служба, личное услужение . . .	11,6	9,3	10,5		
Рантье	2,6	2,0	2,3		
Деклассированные и неопределенных занятий	3,3	2,4	3,0		

До войны Зап. Белоруссия по составу своего населения была несомненно краем аграрным. Процент самостоятельного земледельческого населения был здесь близок к среднему по России (55 проц.), но несколько ниже, чем в губерниях восточной Белоруссии (Могилевск. 63 проц., Минск. 57 проц.). Развитие обрабатывающей промышленности, особенно в Гродненской губ., рост городов и торговли ставили этот край впереди прочих частей Белоруссии, приближая его к некоторым аграрно-индустриальным странам Зап. Европы. Следует отметить присутствие в крае значительных вооруженных сил, обясняемое приграничным его положением и наличием нескольких крепостных районов.

Война разрушила города и промышленность Зап. Белоруссии, а современное политическое положение края трепетствует возрождению его хозяйственной жизни. Так, к началу 1922 года в 4-х белорусских воеводствах (полностью) было только 243 цеховых промышленных предприятий (с двигателями, а если без двигателя, то не меньше чем с 15 рабочими) и 1.372 рабочими, тогда как в 1912 г. в губерниях Ви-

ленской и Гродненской, т. е. на территории приблизительно совпадающей с предыдущей,—насчитывалось 770 цеховых предприятий с 28.479 рабочими. Таким образом, количественно промышленность упала в 21½ раза. Сильно пострадали и ремесленная промышленность, по крайней мере если судить по общему упадку городов. Население 5 важнейших городов Зап. Белоруссии (Вильно, Гродно, Белосток, Брест, Пинск) в 1910-11 годах составляло около 440 тыс. чел., а в 1919-21 г. только 293 тыс., т. е. на одну треть меньше. Естественно, что это должно было отразиться на одной из главных групп городского населения Зап. Белоруссии—ремесленниках. Так же следует иметь в виду абсолютное и относительное уменьшение численности еврейского населения, преимущественно ремесленного и торгового.

Все указанные причины должны были значительно усилить земледельческий характер края. В самом деле, мы видим падение численности городских профессий. Другие группы профессий, кроме земледельцев, преимущественно непроизводительные, могли увеличиваться за счет последних только при благоприятных экономических условиях. При всем желании польская государственная власть не сможет увеличивать своего чиновничего аппарата, полиции, духовенства, свыше некоторого предела, допускаемого экономическими возможностями края и самой Польши. Также не может значительно увеличиваться численность землевладельцев, рабочих, профессиональной интеллигенции. Наоборот, необходимость экономии государственных средств, общее обеднение, следствие военных бедствий, должны уменьшить численность вышеупомянутых групп и увеличить за их счет удельный вес земледельческого населения. До известной степени это подтверждается данными статистики профессий 1921 года, опубликованными по Полесскому и Новогрудскому воеводствам *. Четверть века спустя после переписи 1897 года земледельческое население в Полесье достигло 82 проц., а в Новогрудском воеводстве даже 83,7 проц., тогда как в 1897 г. в отдельных уездах мы находим: в Брестском у. 63 проц. земледельцев, в Пружанском—78 проц., Кобринском—78 проц., Слонимском—77 проц., Гродском—79 проц.

Впрочем, возможно наличие некоторого расхождения в классификации профессий между общими переписями. Так, относительно трафы «личные услуги» и «частная служба» следует отметить, что ее содержание в обеих переписях (1897 г.

* Wiadomosci statystyczne. 1924. № 5. Statystyka Polski. Tom XXI. Warszawa. 1926.

Таблица 14.
Распределение всего населения по профессиям.

	Виленская и Гродненская губ. 1897 г.	Полесское воево- дство 1921 г.	Новогрудское воеводство 1921 г.
Земледелие и лесоводство . . .	70,8	82,0	83,7
Обрабатывающая промышленность . . .	10,2	6,5	5,6
Пути сообщения . . .	1,8	2,4	1,2
Торговля . . .	4,6	3,9	3,1
Государств. общ. служба . . .	2,2	1,7	1,6
Армия . . .	2,5	0,2	0,2
Личные услуги и частная служба . . .	5,0	0,5	0,5
Бездейственные, рантье, пенсионеры, беженцы и прочие . . .	2,3	2,8	4,1

и 1921 г.) шлифовому понималось различно, чем и можно только объяснить громадную разницу их показаний. Также и количество расквартированных войск тольской переписью 1921 года учитывалось только частично, так как основная масса войск была охвачена специальнойвойной переписью, производившейся одновременно; ее результаты нам неизвестны.

По некоторым из приведенных профessionальных групп в статистических изданиях имеются более подробные данные, которые считаем целесообразным привести. Так имеется статистика *железнодорожных служащих и рабочих за 1922 г.* *) В Виленской дирекции, охватывающей собой почти всю Зап. Белоруссию, насчитывалось 29.006 железнодорожных служащих, в том числе в центральной администрации (управление дорог)—2.032 чел., в мастерских, складах и предприятиях—8.917 чел. и в службах пути и тяги—5.154 чел. По данным, относящимся только к Полесскому воеводству, среди работников транспорта рабочих приблизительно втрое больше, чем служащих. Это позволяет нам считать, что на железных дорогах в Зап. Белоруссии имеется свыше 20 тыс. рабочих.

*) Annuaire statistique. 1923.

тыается 1.363 чел., в т. ч. свыше половины рабочих. О различного рода *государственных служащих* данные менее ясны—они относятся ко всем «восточным окраинам» (т. е. к Зап. Белоруссии, кроме Белостокского воеводства, и к Волыни), по размерам несколько большим, чем Зап. Белоруссия (по территории на $\frac{1}{6}$, по населению на $\frac{1}{7}$). Всего государственных служащих на «Восточных окраинах» в 1923 г. было 23.135 чел., в том числе высших 12.680, низших—10.455, распределявшихся по ведомствам следующим образом:

Таблица 15.

В Е Д О М С Т В А	Высшие служащ.	Низшие служащ.
Администрация—воеводства и старо- ства (уезды) . . .	1.105	354
Полиция . . .	452	7.234
Судебное ведомство . . .	1.029	603
Финансовое ведомство . . .	1.080	196
В т. ч. начальные школы . . .	7.158	340
Общественное призрение, охрана труда, здоровья и эмиграции . . .	625	1.277
Хозяйственные ведомства . . .	856	410
Государственный контроль . . .	140	12
Временные учреждения . . .	235	29

Наконец, на основании статистики землевладения мы можем приблизительно судить о *классовом составе земельческого населения*, главнейшей профessionальной группы населения края. По данным переписи 1921 года *) в воеводствах Зап. Белоруссии численность земельных собственников по группам была нижеследующая (см. табл. 16).

Чтобы получить приблизительные итоги отдельных групп по всей Зап. Белоруссии, мы включим в них только половину Белостокского воеводства. В результате получим такие соот-

*) Weinfield. Tablice statystyczne Polski. 1924.

Таблица 16.

ВОЕВОДСТВА	Мелкие владения в тысячах					Крупные владения		
	0—2 га	2—5 га	5—20 га	20—50 га	Итого	50—100 га	Свыше 100 га	Итого
Виленское .	13,5	35,0	64,0	9,8	122,4	2.278	266	2.544
Новогрудское .	17,5	51,1	58,6	5,9	133,1	1.009	229	1.238
Полеское .	20,4	47,3	66,1	8,2	142,0	499	357	856
Белостокское .	28,1	47,2	97,4	10,3	183,0	765	200	965

ношений: всего помещиков*) 5,20, в том числе крупных (свыше 500 га)—952, средних и мелких (50—500га)—4,168; всего крестьянских хозяйств 489 тыс., в том числе крупных (20—50га)—29 тыс., середняцких (5—20 га)—237,4 тыс., мелких (2—5га)—157 тыс. и, наконец, бедняцких (0—2 га)—65,4 тыс.) В процентах к общему количеству хозяйств помещики составляют 1,0 проц., крупное крестьянство—6 проц., середняки—48 проц., мелкое крестьянство—32 проц. и бедняки—13 проц. Обединяя две предыдущие группы, мы видим, что полное качественное преобладание в среде земледельческого населения принадлежит группам среднего и мелкого крестьянства, составляющим вместе 80 проц. всех землевладельцев. Довольно значительна также последняя полурабочая группа, в то время, как зажиточное крестьянство составляет сравнительно небольшой процент земледельческого населения. В последние годы группа эта, однако, растет благодаря проведению поэтной колонизации края, создавшей до 13 тыс. новых хозяйств со средней площадью в 20—30га. Помещики, как и всегда, составляют незначительную часть населения, владеющую, однако, третьей частью всей земли в Зап. Белоруссии.

Некоторые данные для характеристики состава пролетариата Зап. Белоруссии дают цифры переписи 1921 года по Полесскому воеводству. Всего насчитано здесь рабочих разных категорий 36,408 чел. Из них 17,339 или 47 проц. являются сельско-хозяйственными рабочими, 5,372 (15 проц.) заняты в промышленности, 2 проц. в торговле, 12 проц. на транспорте, 6 проц. в разных учреждениях, 9 проц. прислуги и 9 проц. лэр. В Новогрудском воеводстве состав пролетариата еще более

*) Точнее говоря,—крупных владений.

земледельческий: из 40 тыс. всех рабочих в сельском хозяйстве занято 26,3 тыс. (65,7 проц.), в промышленности только 3,6 тыс. (0,9 проц.), на транспорте 4,7 проц., прислуги 8,5 проц. Конечно, в других воеводствах (Виленском и, особенно, в Белостокском) более промышленных, состав пролетариата несколько иной, но все же приведенные выше цифры о численности рабочих в цеховых предприятиях (10,372 из 36 тыс. Зап. Белоруссии) указывают на то, что повсюду численность промышленного пролетариата невелика и что вообще в Западной Белоруссии наиболее сильно представлен сельско-хозяйственный и ремесленный пролетариат и работники транспорта.

Судя по данным о количестве рабочих в Полесском и Новогрудском воеводствах можно думать, что общая численность пролетариата Западной Белоруссии будет около 150—200 тысяч, в том числе до 100 тысяч сельско-хозяйственных рабочих. Промышленных рабочих имеется, вероятно, около 15 тыс. чел., ремесленных около 15 тыс., на транспорте 20 тыс. и около 30-40 тыс. прислуги, чернорабочих и проч. маломасштабированных труда. Фактически последние цифры должны быть несколько выше, так как Полеское воеводство и особенно Новогрудское по степени индустриализации несомненно отстает от других частей Зап. Белоруссии.

О численности буржуазии судить значительно труднее. Относя к эту группу торговцев, рабочих, чиновников и духовенства, мы получили в общем около 75 тыс. человек. К этому следует еще прибавить земельную буржуазию в составе 5 тыс. помещиков и 40 тыс. зажиточного крестьянства.

Впрочем следует иметь в виду, что все перечисленные категории достаточно условны, чтобы из них можно было исходить при точном учете соотношения социальных сил, действующих в Зап. Белоруссии. Наше весьма приблизительные вычисления также не могут иметь большого практического значения, однако, они достаточно подчеркивают необходимость самого подробного и углубленного изучения затронутых проблем, представляющих в наше время весьма значительный интерес.

Источники и материалы:

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Губернии Виленская и Гродненская 1903.
2. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. Tomy V, VII, VIII.
3. E. Romer. Spis ludności na ziemiach administrowanych przez Zarząd Cywilny Ziemi Wschodnich. Lwów-Warszawa 1920.
4. Annuaire statistique de la République Pologne. II Année 1923.
5. Wiadomości statystyczne Gt. Urz. Stat. Rok II i III.
6. Dr. J. Weinfeld. Tablice statystyczne Polski za rok 1924.
7. Ludwik Krzywicki. Rozbiór krytyczny wyników spisu. W. 1923.
8. L. Krzywicki. Charakterystyka fizyczna ludności ziem polskich. Encykł. Polska t. I.
9. J. Czekanowski. Stosunki narodowościowo-wyznaniowe na Litwie i Rusi. Lwów. 1918.
10. E. Cyński. Etnograficzno-statystyczny zarys liczebności i rozsiedlenia ludności polskiej. W. 1909.
11. E. Карский. Этнографическая карта белорусского племени. Пр. 1918.
12. Романов. Материалы по этнографии Гродненск. губ. Вильно 1911.
13. M. Fedorowski. Lud białoruski na Rusi Litewskiej.
14. Бобровский. Гродненская губерния СПБ. 1863.
15. Довнар-Запольский. Народное хозяйство Белоруссии. Минск. 1926 г.

Азбукин

Населенные местности Западной Белоруссии.

Типы заселения.

В зависимости от особенностей рельефа и поверхностных отложений, Западная Белоруссия разделяется на три географических области: 1) северную область моренного ландшафта, 2) среднюю увалистую область и 3) южную полесскую. Это естественное деление Западной Белоруссии сильно отражается на ее населении и особенно на типах населенных мест.

Северная область, за исключением Виленского подгородного района, отличается однобразно редким населением (25—30 чел. на 1 кв. км.), и преобладание мелких населенных пунктов (50—100 в среднем жителей на одно поселение). В средней полосе население довольно густое (свыше 30, а часто свыше 50 на 1 кв. км.), а населенные пункты крупнее (100—200 жителей в среднем на одно поселение). Полесье отличается наиболее редким населением, (менее 30, и часто менее 10 на 1 кв. км.) сосредоточенным преимущественно в крупных селах (на одно поселение приходится более 200 жителей).

Как в северной, так и в средней частях более плодородные суглинистые почвы преобладают на водоразделах, которые поэтому населены гуще, чем долины, покрытые преимущественно бедными песчаными почвами. С другой стороны там не отсутствует недостатка в местах, удобных для поселения, а потому населенные пункты там разбросаны почти равномерно по всей территории с некоторым преобладанием в водораздельных возвышенных районах.

В Полесьи наблюдается обратное явление. Болотистые водоразделы мало пригодны для заселения, и остаются на положении редко населенных областей, имеющих значение только для эксплуатации со стороны населения, сосредоточенного преимущественно в долинах. На берегах крупных рек По-